

“Зажги в себе свечу”, — призывает русский поэт Николай Рачков. Эти слова можно поставить эпиграфом ко всему его художественному творчеству. Николай Борисович уже более полувека творит свой прозрачный и светлый, многоликий, богатыми красками, печальющийся и ликующий поэтический мир. Он поэт крупных образов, таких, как жизнь, дорога, судьба, любовь, милая сердцу Русь... Вроде бы об этом написаны горы книг... Но... Неподдельно русский человек Валентин Распутин так писал к автору: “Все, казалось бы, мы уже знаем, ничем нас не удивить, и почти всюду ново и точно!..” Да, “Всё близко и всё далёко” — так называется одна из многочисленных книг поэта. По словам писателя Владимира Крупина: “Радость излилась с небес полной мерой на нашего сегодняшнего юбиляра, родившегося на Нижегородчине... Как говорит пословица: “Где родился, там и пригодился”. Но вот это “где”, в данном случае, имеет не географическую локализацию — это духовное “место”, координаты высших измерений.

Когда-то философ В. Соловьёв говорил об “эстетике света” в древнерусской культуре. Не костлявая готика европейского Средневековья, не мрачный страх перед муками ада, а светлая любовь к Богу и людям, ощущение Рая тысячу лет пронизывают всю нашу восточнославянскую культуру. Преимущество белого в символике литературы, архитектуры, других искусств — неслучайно, оно имеет глубинный метафизический смысл. Белый цвет, напомним очевидную истину, — это не отсутствие иных красок, а синтез всех цветов спектра. Так проявлялось стремление к чистоте, святости, порыв к божественному “Свету невечернему”.

Подобная глубинно-коренная, исконная эстетика света присуща и многогранной поэзии Николая Рачкова. Даже когда он обращается к темам очень земным, будничным, к вопросам печальным и трагическим, грусть его светла, и ощутимая эмоциональная боль, передаваемая читателю, не порождает чувства безысходности. Возможно, это один из самых оптимистических поэтов отечественной современности. И это при том, что биография певца “рябиновой Руси” далеко не безоблачна. Крестьянский сын, ровесник великой и страшной войны, стал полусиротой в утробе матери, ведь отца убили на

фронте ещё в 1941-м, за несколько месяцев до рождения сына. В автобиографии написано просто и тихо-потрясающе: “Время было трудное, жизнь бедной, почти нищенской. Но никакого уныния не было, помнится из детства и юности только светлое и радостное”. Какой изумительный урок для младших современников и молодёжи (а ведь довелось поэту поработать и простым сельским учителем, знает он среду юношества с его меняющимися, но всегда одинаково “неразрешимыми” и “вселенскими” проблемами...). Где же, собственно, берутся депрессии и порывы уныния, тоска и обманчивое чувство бессмысленности существования; откуда ещё более обманчивое и губительное желание заполнить внутреннюю пустоту любым “внешним пространством” у многих благополучных юношей и девушек, не изведавших ни войны, ни голода, ни холода? Да в том причина, что уже во втором поколении привилась нашим людям чуждая система лжеценностей, “философия удовольствий”, которая подобна, по выражению из православного Патерика, воде, нарисованной на стене: изображение привлекает, но жажду-то не утолишь. А закалённое в горниле страданий сердце становится и более участливым, и внимательным к человеку; тот, кто прошёл сквозь смерть, умеет видеть и ценить жизнь во всех её проявлениях.

“Мать для меня святая, — пишет поэт. — Выводя меня и брата “в люди”, умерла рано”. В таких стихотворениях, как “Воспоминания о 46-м годе”, “Сапоги”, “Война. И бедность. И сиротство...”, “Проводы”, показана трагедия детства, которое кощунственно рано закончилось... Из поколения в поколение передавалась и приумножалась жизнестойкость русского духа. “Господи! Как жизнь-то хороша...” — говорит старушка в стихотворении Рачкова 1990 года. Ей много не нужно: “Есть и соль, и спички, // хлебушко завозят иногда...” И она не может понять панических настроений горожан:

*Что кричат? Чего руками машут?
Лучше приезжают пусть да пашут...*

Земля исцелит душу и тело. Родная земля. Только ощути, осознай её как мать, как Родину...

Творчество Николая Рачкова наиболее полно представлено книгой избранных стихотворений “О Родине, о жизни, о любви”. Всё в монолитном сплаве, и везде проникает, как скальпель, как острый луч, взор поэта, один из главных призывов которого — “Ты свет в душе не погаси, // она для Вечности, для Бога” (“Твоя душа”, 1992). А поскольку существует Воскресение, значит, преодолеваются, исчезают страдания и боль. Исследователь В. Запевалов пишет: “Постигая смысл бытия, Рачков защищает дух как главную его составляющую и подходит к философско-религиозному осмыслению сокровенной Тайны Жизни. В лирике Рачкова ощутима явственная потребность сверхбытийного преодоления страдания”.

С болью и наслаждением вдыхает поэт воздух Родины, неповторимую атмосферу её бытия... Радость его душе приносят дымки родных очагов... Но и ужасающие думы катастрофических кострищ русской истории не влекут к мыслям о безысходности... Очевидно, что после всех испытаний и катаклизмов Русь-Россия выходила всё более закалённой и крепкой. А враги zapomинали уроки своих поражений надолго...

*“...Не умеют русские сдаваться”, —
Произнёс в сердцах Наполеон.*

*В том, что здесь он скоро поймнёт,
Никого не надо убеждать.
Русские сдаваться не умеют,
Но зато умеют побеждать...*

Рачков — мастер афоризма. Не обязательно краткого. Афористически иногда звучат целые строфы.

*Осталась надежда на Бога,
Нам правда и воля любя.*

*Своя у России дорога,
Своя у России судьба...*

Или:

*Она живая — до окраин,
В ней наша кровь и наша плоть.
Есть у земли один хозяин,
Единый собственник — Господь...*

Эти строки написаны в 1996-м, в то десятилетие, когда у народа “новыми хозяевами” отбирались и земли, и общественные богатства, и веками проверенные на истинность ценности, и — не считите патетикой — сами души...

Да, и ещё к вопросу “преодоления страдания”. Мы не должны излишне благодушно помышлять, будто все победы десяти (и более!) веков истории запрограммированы нам, Руси, как-то “автоматически”, по особенному постановлению Свыше, почти неминуемо... За всё нужно платить и в историческом данном бытии, и в невидимом духовном мире, ведь “ничто ниоткуда не берётся”, поэтому тема ответственности, покаяния, наказания тоже представлена в поэзии Николая Борисовича Рачкова. Много и тяжело грешим мы годами и столетиями, и очевидно, что негоже нам уподобляться ветхому Израилю, считавшему свою библейскую богоизбранность как бы “неотъемлемой и обязательной”. Наша русская богоизбранность — избранность на *крестоношение*. Крест святого — мессианский, крест русского грешника — разбойничий, хоть бы и разбойника кающегося... Как свидетель множества развороченных всенародной бедой судеб, Рачков на исходе столетия пишет стихотворение “Однажды”. Поражает произведение щемящим сквозным выводом об ответственности страны за немилосердие к тем, кто её, страну, спас в небывалой войне.

Речь идёт об “обрубках войны”, инвалидах, о собирательном образе человека “без ног, в заштопанной шинели”. Взяли да и убрали их “куда-то”, в какие-то спецприёмники из жизни людей, чтобы, наверное, не “уродовали” картинку “счастливого настоящего”. “Страна моя, какой виной // Ты в одночасье захлебнулась...” Да что же здесь особенного, спросят многие?... А поэту видны другие причинно-следственные связи, и я с ним солидарен:

*Не отмолили.
Не смогли.
И рухнул мир не потому ли?*

Может, и потому. Не за одно такое деяние, а за множество подленьких, неблагодарных, лицемерных поступков, в ответе за которые был, вероятно, каждый из нас...

Интересна у Рачкова подтема правителей Руси, которых уже заведено чуть ли не традиционно называть “бичами Божиими”. В их личностях переплетаются высокая государственная мудрость и масштабная жестокость. Конечно, такие правители появляются в русской земле ещё со времен княжеских, и, говоря о подобных страницах отечественной истории, поэт с горечью упоминает усобицы, пожары, разрушения, страдания простых людей. При всей любви к родной истории, при всей природности, врождённости и искренности своего патриотизма, художник далёк от приукрашивания, слащавых сусальных картинок “оттуда”. “Золотой век” Руси — нелинейный, нехронологический, ибо он не миф. Этот Золотой век, переходящий в вечность и бессмертие, находится внутри человека, посему, как главнейшую черту мировосприятия Рачкова, я бы выделил объёмное видение действительности. Он видит сразу многое. Золото душ человеческих, порождённое тысячелетней святыней Православия, имело и другие изводы: даже в СССР — стране формально атеистической — эти истинные и некрадомые ценности русской души освещали и освящали мир вокруг себя. О Боге не говорили вслух, а жили-то по-Божьему, по совести. Такие люди, в XX веке не раз поднимавшие Родину из руин, победившие в ужасной войне, вдохновенные труженики и творцы и были истинным “золотом партии”, партии *Людей*. Вот такой образ русского человека, русского народа предстаёт в поэзии Н. Рачкова, а особенно синтезирован в новейшей книге избранного...

Солнце русского восхода, воспоминания о юных поцелуях на рассвете, пасхальный звон, “золото куполов”, “шум базаров и площадей”, “крови бешеная река”, известные исторические фигуры и рядовые соотечественники, целый мир в русском сердце – все “концы и начала” бесконечных циклов бытия собраны в неподдельно душевных строчках.

Да, и всё же не удержимся сказать ещё пару слов, возвращаясь к упоминаниям о правителях, которых одни именуют злодеями и тиранами, другие – лидерами отечества с железной волей, уберёгшими страну от внешних и внутренних угроз. Конечно, прежде всего, поэт неоднократно обращается к личности царя Иоанна Грозного и, как говорят иногда, “красного императора” Иосифа Сталина. Позиция автора взвешена, лирические оценки максимально стремятся к объективности. Ни “канонизации”, ни “демонизации”. В роковые моменты правители великой страны просто не имеют права быть слабыми и “добренскими”. Мы на грешной земле живём, не среди ангелов небесных в раю. И здесь поэт – не ведаю, интуитивно ли, рационально ли (впрочем, для поэта определение “рационально”, наверное, не всегда комплимент) – руководствуется таким органично близким ему православным вероучением. Скажем так: есть “вакансии” земного существования, связанные с неразрешимыми парадоксами. (“Человеческая история полна неразрешимых противоречий”, – писал архимандрит Софроний (Сахаров), кстати, начинавший как талантливый художник: он был духовным сыном знаменитого афонского старца Силуана, происходившего из простых дореволюционных русских “мужичков” и оставившего удивительные записи, вдохновенные гимны Божьей силе и премудрости...) Как избежать противоречий между долгом и милосердием – воину, например? Мы знаем святых православных воинов – Георгия Победоносца, Иоанна Воина, русского витязя и киево-печерского преподобного Илию Муромца... Кстати, хороша миниатюра Рачкова, открывающая раздел избранного “На славянском поле” и посвящённая Георгию Победоносцу, под святым омофором которого, в перезвоне пасхальных колоколов к нам пришла Великая Победа...

У ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНЫ

Всадник весь в добротe и в силе.

В гада бьющее остриё.

Узнаю: это ты, Россия.

Да святится имя Твоё!

1987

И отныне, сколько ни стоять миру, 9 мая **всегда** будет приходиться на сорокадневный послепасхальный период, когда по Русскому и всему православному миру звучит всепобедительное “Христос Воскресе! – Воистину Воскресе!” А воинам своё предназначение надо было выполнять: защищать народ от врагов! Впрочем, и “воинское” противоречие снимаемо, ведь недаром Илия Муромский пошёл в монахи, как постригались в чернецы и мои украинские предки-земляки, чубатые “запорожские лыцари”...

Так что тогда говорить о царях, правителях?! Приходилось и казнить, и миловать. Я уже писал о трактовке Н. Рачкова, несколько даже реабилитирующей первого русского царя, помазанного на царство (!), как в древнебиблейские времена, Ивана IV Грозного (речь шла о стихотворении “Не убивал!” и некоторых фактах царствования Ивана Васильевича, при котором было сделано столько полезного для Руси). И ещё раз напомним, что первым в Храме Василия Блаженного на Красной площади Москвы нас встречает лик этого царя, очернённого лживой и завистливой западной историографией (“Общепитательская Литературная газета”, 2014. № 6 (55), статья “Светлая боль поэта”). А насчёт товарища Сталина, то сугубо по-читательски мне импонирует лапидарное, чеканное стихотворение “Ночной парад”. В удивительном разрезе между явью и видением, в таинственной ночи узрел поэт, как по главной площади страны проходит в простенькой шинели легендарный вождь, “презрев времена”. На сюрреалистический полночный парад строятся тени с суровыми лицами: “Мы живы! Мы живы! Мы живы!” – ему отвечают полки”. Взору ожившего вождя открывается вся Держава, а не только стройные ряды вечноживой пехоты:

*— Вы нам прикажите. Мы встанем.
Ведь наши сердца — монолит.
И громко: — Да здравствует Сталин! —
Над площадью Красной гремит...*

Напомним, кстати, что советские литература и искусство, в частности, и национальные, в сталинскую эпоху были поставлены на такой высочайший государственный уровень почёта, как нигде и никогда в мировой истории. Удивительно, но это признают даже антисоветчик А. Синявский (работа “Что такое социалистический реализм?”) или тоже не отличающийся “просоветскими симпатиями” Е. Рейн!..

История не только не знает сослагательного наклонения, как известно. Она ещё и не переносит ампутаций и других изъятий-увечий!..

Но разве Николай Рачков — только поэт гражданского накала? Нет, конечно. Не мудрствуя лукаво, скажем, что трогает и задевает тончайшие душевные струны его нежная, “акварельная” любовная лирика. Поэт не вспоминает о молодости, он остаётся молодым! Не могут не взволновать его “Крылья”, “Баллада о верности”, “Купава” (очень “сказочное”, оригинальное произведение...) или ностальгические “Апрельские ночи” ...

*Всё ничто, если Вы меня помните.
Всё ничто, если я не забыл...*

А ещё у поэта к его щедрому юбилею собралось множество чудесных стихов о великих людях русской и мировой культуры, немало пейзажной лирики, “вневременных” философских размышлений, стихов-посвящений — о всём том, чем, как говорится, жив человек!..

P.S.: С благодарностью и уважением храню книги, подписанные мне по этому, с пожеланиями-благословениями “на дружбу и службу русскому слову”. Это высокая служба, это прекрасная судьба... Многая лета юбиляру, здравия, вдохновения, благодарных читателей! Храни Господь его талант!..